

Комарова Елена Николаевна

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА САШИ СОКОЛОВА В КРИТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1970-1980-Х ГГ.

Статья посвящена рецепции творчества Саши Соколова в эмигрантской критике 1970-1980-х гг. На основе авторской классификации видов критики показана взаимосвязь между принадлежностью критика к журналистской, писательской либо академической среде и характером восприятия им произведений Соколова, в динамике проанализирован процесс включения писателя в литературный канон. Сделан вывод о крайнем своеобразии каждого из критиков, писавших о Соколове в обозначенный период, о возможности говорить про то, что вокруг их рецензий в итоге образуется метатекст Соколова, и о необходимости рассматривать реакцию критиков в рамках истории их собственной литературной традиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 85-89. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8; 80

Филологические науки

Статья посвящена рецепции творчества Саши Соколова в эмигрантской критике 1970-1980-х гг. На основе авторской классификации видов критики показана взаимосвязь между принадлежностью критика к журналистской, писательской либо академической среде и характером восприятия им произведений Соколова, в динамике проанализирован процесс включения писателя в литературный канон. Сделан вывод о крайнем своеобразии каждого из критиков, писавших о Соколове в обозначенный период, о возможности говорить про то, что вокруг их рецензий в итоге образуется метатекст Соколова, и о необходимости рассмотреть реакцию критиков в рамках истории их собственной литературной традиции.

Ключевые слова и фразы: Саша Соколов; рецепция; эмигрантская критика; писательская критика «ближнего круга»; канонизация; периодика Третьей волны; интервью.

Комарова Елена Николаевна

*Российский государственный гуманитарный университет
tselyu_v_klyk@list.ru*

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА САШИ СОКОЛОВА
В КРИТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1970-1980-Х ГГ. ©**

Рецепция произведений Саши Соколова с 1976 г. (когда в США было издано его первое произведение «Школа для дураков») по 80-е гг. представлена как зарубежной славистической критикой, так и критикой эмигрантской. Последнюю видится необходимым подразделить на критику «писательскую» (в т.ч. критику «ближнего круга») и «академическую». Мы постарались провести между ними определенную грань, однако сложность заключается в том, что в качестве критиков зачастую выступали писатели, обладавшие профессорской степенью либо опытом преподавания в западных университетах и печатавшиеся при этом либо в зарубежной русскоязычной прессе, либо в узкоспециализированных академических англоязычных изданиях.

Большинству рецензий задала тон похвала В. Набокова: «"Школа для дураков" – обаятельная, трагическая и трогательнейшая книга». Столь же безоговорочно восприняла книгу Н. Берберова (отзывы Набокова и Берберовой, хвалившей «свежий, осмысленный и звучащий язык», «новое, свободное построение фразы», «искусную таинственно-творческую работу над словом», напечатаны на обложке второго издания «Школы для дураков» [34]). В свою очередь, В. Вейдле в «Русской мысли» провел аналогию между Соколовым и Лотреамоном, отметив, что статья по-настоящему большим писателем Соколову мешает «тяга к невменяемости», и что «в погоне за высоким классом» книга теряет класс [9, с. 10].

К 1976 г. и Набоков, и Берберова, и Вейдле уже имели за рубежом преподавательский опыт. В частности, Вейдле был крупным теоретиком литературы, сторонником эстетической, постакадемической критики. Фраза о «высоком классе» свидетельствует о том, что он, будучи противником авангарда, увидел в «Школе для дураков» определенную поэтическую традицию, сложность текста, умение с ним играть, большой культурный слой и т.д. Подобный академизм по отношению к первой и на тот момент единственной книге молодого автора, с включением в канон, эксплицитно содержит в себе критическую оценку.

Критики Первой волны рассматривали «Школу для дураков» на фоне истории своей литературной традиции и воспринимали Соколова, несмотря на его авангардизм, как представителя акмеистоориентированной литературы с ее цитатностью, изящным текстом, игрой с читателем и т.д. В увлечении Соколова «изящной словесностью» они видели продолжение собственных языковых и эстетических практик, и это свидетельствует о том, что Соколов сумел суммировать литературный опыт поколений, в ином случае они восприняли бы «Школу для дураков» как нечто стилистически и лингвистически чуждое. Поэтому Набоков, Вейдле и Берберова воспринимаются в своей оценке творчества Соколова достаточно комплексно, и их рецепцию представляется возможным отнести к писательской и одновременно академической критике.

Характерно, что среди критиков творчества Соколова не наблюдается представителей Второй волны эмиграции – видимо, потому, что проблематика книг Соколова не нашла здесь какого-либо серьезного резонанса.

Эмиграция Первой волны читала «Школу для дураков» как книгу заведомо не о своем поколении. Прямо противоположный подход, – как чтение литературы «про себя», – демонстрируют критики Третьей волны. «Просто книга эта написана о моем поколении, и чем лучше написана – тем ближе самому, а то и вовсе многое сходится», – отмечал А. Суслов в статье для «Посева», сожалея о том, что за ее чтением «почти невозможно представить себе здешнего русского, особенно пожилого» [29, с. 59-60].

К типу рецензии, в своем поиске подтекста перекликающейся с критикой Первой волны, можно отнести и статью И. Бурихина («Грани», 1980). Бурихин, – поэт, московский концептуалист, покинувший СССР на волне «олимпиадного» отъезда, – полагает, что «язык Соколова воспринимается теперь как гипертрофически-необычный и, вместе с тем, укорененный в народной речи», сравнивая его со словарем Даля, «услышанным из сегодняшней подворотни» [4, с. 273]. Это пример писательской критики, берущей начало из среды русского

андеграунда. Другим примером того же вида рецепции служит статья К. Сапгир «Дальний берег Палисандра» («Континент», 1985). «В новой книге Саши Соколова, в сравнении с прежними его книгами, – большее внимание уделено наполнению формы, – пишет Сапгир. – И, видимо, потратив больший, чем обычно, потенциал на наполнение, автор оставил стенки формы-сосуда более хрупкими; от этого там то и дело трещины и проломы; тяжело-весность смысла бьет форму изнутри» [25, с. 388]. Казалось бы, внимание Сапгир привлечено к форме и содержанию, но поверхностное оперирование этими категориями и увлеченность образностью сравнений указывают на то, что эта критика, как и в случае с Бурихиным, в большей степени писательская, чем литературоведческая.

Намного большим академизмом отличается рецензия Е. Терновского на «Между собакой и волком» для «Русской мысли». Терновский сопоставляет персонажей Соколова с чудаками Платонова. Но если Платонов вводил в язык героев свой собственный подтекст – общественный, религиозный, политический, то Соколов, напротив, «основательно подчистил свою повесть от любого подтекста, с музейной тщательностью оберегая конструкции живого, цепкого, алогического языка». По мнению Терновского, в повести Соколова ощутимо также «влияние Марамзина, особенно в передаче сплошного — «перевернутого» синтаксиса» [30, с. 13].

В ином ракурсе рассмотрел «Между собакой и волком» В. Аксенов. Его рецензия, опубликованную в 1983 г. в той же «Русской мысли», можно отнести к писательской критике «ближнего круга» (учитывая приятельские отношения Аксенова и Соколова). Несмотря на то, что к 1983 г. Аксенов уже являлся профессором трех университетов США, его статья лишена академизма. Скорее, он решил продемонстрировать творческий потенциал, задавшись целью извлечь сюжет из этого внешне бессюжетного произведения. «Проделав эту работу, я, честно говоря, был даже немного горд собой: извлечение сюжета из прозы такого рода – дело нелегкое», – пишет Аксенов, отмечая, что фраза, вынесенная в заголовок статьи – «Ненужное зачеркнуть» – появляется на 152-й странице «Между собакой и волком», как бы давая ключ к чтению этой книги [1, с. 12]. Спустя два года вышел аксеновский роман «с ключом» «Скажи изюм» [3], и Саша Соколов по-постмодернистски обыграл эту аллюзию: в манифесте «Palissandr – c'est Moi?» он заявил, что в ответ на упреки в пренебрежении сюжетом ему хочется «взять каравай словесности, изъять из него весь сюжетный изюм и швырнуть в подающие окрестной сластолюбивой черни» [27, с. 197].

Значимое место в «Palissandr – c'est Moi?» занимает описание взаимоотношений Соколова с А. Жолковским, на примере которого мы наблюдаем трансформацию академической критики в писательскую критику «ближнего круга». Жолковский, состоявшийся к 1985 г., – к моменту публикации «Палисандрии», – как профессор Корнельского университета, изначально интерпретировал творчество Соколова с академической точки зрения. Так, в статье от 1987 г. «Стилистические корни "Палисандрии"» он исследовал границу между стилем и интертекстуальностью, сверхдетерминацию, типологические параллели, темы и мотивы «Палисандрии» [36]. Однако не следует забывать, что во второй половине 80-х гг. Жолковский планомерно переходит от жесткого структурализма к постмодернистской критике, но критике в западном смысле этого слова – *criticism* (который в русской традиции расценивается как литературоведение). И когда Жолковский отмечает, что Соколов играет с «хорошо известными – хрестоматийными – литературными клише» [ibidem, p. 400], отсылая читателя «Палисандрии», в частности, к ахматовскому стихотворению о Пастернаке, необходимо учитывать, что сам он является автором книги «Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты» [15]. Этот академический текст, очевидно, содержит в себе критический субстрат. Сам факт того, что статья вышла в ведущем славистическом журнале *Canadian – American Slavic Studies*, в специальном выпуске, полностью посвященном Саше Соколову, прочно ставит Соколова в контекст университетско-профессорской критики. Позиция Жолковского-критика эксплицируется как филологическая, а имплицитное применение таких методов анализа к Соколову свидетельствует о том, что место последнего в литературе уже определено. Если ученые говорят о писателе, что он создал новый язык, это высшая оценка, и в данном случае оценка эта, безусловно, критическая.

О новаторском языке Соколова писали также литературные критики П. Вайль и А. Генис. В статье «Цветник российского анахронизма» («Грани», 1986) они обосновывали роль лингвистической игры в создании мира «Палисандрии» [7, с. 215], а в «Уроках школы для дураков» («Синтаксис», 1990) отмечали, что Саша Соколов – один из писателей, которые разрабатывают метафизику языка. «Язык для него та первичная стихия, в которой заключены все возможности развития мира. Мир и есть язык», – подчеркивали авторы, называя Соколова «одним из первооткрывателей» современной постмодернистской культуры для русской литературы [6, с. 99]. Примечательно, что на волне перестройки в СССР первая статья была перепечатана в 1991 г. в журнале «Октябрь» [8], а вторая – в 1993 г. в «Литературном обозрении» [5], став, таким образом, базой отечественной постсоветской критики Соколова. С учетом того, что П. Вайль являлся основателем Академии русской современной словесности, эти статьи позволительно отнести к критике академической, но, в отличие от того же Жолковского, не столько к *criticism*, сколько к тому, что на Западе называется *journalism*, а в русской традиции принимается за литературную критику.

Однако вернемся к А. Жолковскому. Тема «канонизации» Соколова вновь возникнет в его статье «Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе» («Беседа», 1987). «Технические совершенства, на которые обрекает писателя творческий нарциссизм, материализуются прежде всего в области слога, но захватывают, как правило, и сюжет. Фиксация на зеркале предполагает любовь не только к идеальному поверхностному, но и к изысканной игре симметриями. Таковы Олеша, Набоков, Соколов», – отмечает Жолковский [13, с. 146].

Попытку критического осмысления природы нарциссизма как симптоматики постмодернизма (наряду с шизоидностью) на примере «Палисандрии» в том же номере «Беседы» предпринимает литературовед И. Смирнов [26]. Это наглядный пример сугубо академической критики. Столь же академична и критика

философа-постструктуралиста Б. Гройса. В статье «Жизнь как утопия и утопия как жизнь: искусство соц-арта» («Синтаксис», 1987) Гройс называет Палисандра художником, живущим «после конца искусства, понятого как искусство авангарда», «истинным героем постмодерного времени», а сам роман располагает «где-то между Набоковым и соц-артом» [12, с. 171-181]. Реакция Гройса на «Палисандрию» абсолютно адекватна, потому что статья является апробацией теории о преемственности авангарда и соцреализма, изложенной в его программном труде «Gesamtkunstwerk Stalin» («Стиль Сталин»).

Жолковского от Смирнова и Гройса на тот момент отличает стремление реализовать в качестве писателя, чем объясняется его собственный литературный нарциссизм и поиски своего места в потоке литературы, который уже начал укладываться в рамки постмодернистского канона.

Одним из героев Жолковского стал именно Саша Соколов. В рассказе «Посвящается С.», опубликованном в 1987 г. в «Синтаксисе» (в том же номере, что и «Palissandr – c'est Moi?»), Жолковский, имитируя стиль Соколова, выводит образы профессора З. и его друга, писателя С., которые ведут умозрительную беседу о гениальности [14]. Текст прямо отсылает к работе западного семиотика Р. Барта «S/Z» о постмодернизме. И это тоже особый вид критической рецепции; впоследствии Соколов еще не раз станет героем различных художественных произведений.

Даже возвращение к жанру рецензии носит у Жолковского принципиально иной характер: в статье «Джо Сталин в роли самого себя: "Астрофобия" Саши Соколова в переводе Майкла Генри Хейма» («Лос-Анжелес Таймс», 1990) нет академической прямоты – это многоплановое эссе, полное постмодернистских подтекстов и намеков на то, что прототипы героев Соколова заимствованы у Фолкнера, Джойса, Белого [35]. Серьезность этих намеков подкреплена серьезностью издания, в котором они опубликованы, что позволяет расценивать их как осознанный критический прием.

1987 год можно считать годом признания за текстами Соколова статуса канонических еще и потому, что в этом году был создан т.н. Фонд почитателей творчества Саши Соколова, о чем сообщила газета «Панорама» [28, с. 7]. А в следующем году в «Панораме» вышла статья В. Аксенова «Пасынок капитализма», дублирующая его выступление на встрече советских писателей с писателями-эмигрантами в Копенгагене, где Аксенов заявил о Соколове как о лучшем стилисте и признанном лидере современных лексических новаций среди писателей-эмигрантов [2, с. 15]. Эту статью Аксенова, как и статью для «Русской мысли», в полной мере можно отнести к писательской критике «ближнего круга».

В схожем направлении развивались взаимоотношения Саши Соколова и выходца из среды ленинградского андеграунда В. Крейда. В 1981 г. журнал «22» опубликовал литературоведческую статью Крейда «Зайтильщина», где была исследована связь поэзии и поэтики «Между собакой и волком», а само произведение названо «повестью в стихах» [18, с. 214]. Между тем, в 1986 г. в Нью-Йорке вышел сборник его стихов «Восьмигранник» с предисловием Саши Соколова [17]. Сам Крейд, филолог по образованию, стал профессором лишь в 1983 г., тем не менее, «Зайтильщину» можно отнести к писательской – и все же академической – критике «ближнего круга».

К тому же виду критики относится рецепция поэта А. Цветкова, с которым Соколов познакомился в Сан-Франциско. Как и Аксенов, Цветков – представитель критики «ближнего круга», профессор. В статье «"Между собакой и волком": Язык пародии», написанной для специального заседания «Саша Соколов и литературный авангард», которое в 1984 г. в Вашингтоне провела Ассоциация преподавателей славянских и восточно-европейских языков, Цветков излагает свою профессиональную точку зрения на пародирующую функцию поэзии [33, р. 322]. В «Уроках меркатора», – эссе, написанным Цветковым как предисловие к переизданию «Школы для дураков» и «Между собакой и волком» (изд-во «Симпозиум», 1999), – он делает вывод, что Соколов подвел черту под русским модернизмом, а секретом наваждения, «обуявшего» почитателей Соколова, называет язык и вновь поднимает тему пародии: «Это, если угодно, пародия на весь стилистический аппарат, проба художественного письма за пределами литературы» [32, с. 302]. Современные исследователи постмодернизма объясняют механизм воздействия подобного рода текстов следующим образом: «Читатель <...> начинает решать языковую головоломку и, наконец, находит то, что скрыто – смысл и авторскую интенцию» [16, с. 102].

Помимо рецензий, в эмигрантской критике этого периода прослеживаются такие вторичные виды рецепции Саши Соколова как *упоминание и интервью*, позволяющие оценить социокультурный и литературный контекст, в котором воспринимался Соколов.

Ярким примером *упоминания* Саши Соколова является т.н. «дело Владимова». В 1986 г. редактор журнала «Грани» Г. Владимов, уволенный за нелояльность целям НТС, разослал редакциям русских зарубежных изданий письмо, опубликованное в «Гранях» как прощальное. В письме Владимов намекает на связи НТС с КГБ и, в том числе, сетует: «Что толку обещать отмену цензуры, когда... иной Тамиздат здесь под запретом – "не рекомендуется", к примеру, Саша Соколов» [10, с. XII].

Еще один пример – упоминание Соколова В. Перельманом в журнале «Время и мы»: «Вся история журнала "Время и мы" или, скажем, литературные судьбы таких блестящих писателей, как Саша Соколов, Борис Хазанов, Фридрих Горенштейн, – есть в сущности повторение судеб лучших писателей первой эмиграции и еще одно подтверждение трагической судьбы, которую снова переживает русская литература в изгнании» [21, с. 122].

В ином свете упоминается Соколов в статье Д. Савицкого для «Синтаксиса»: «Великолепнейший Саша Соколов сбивается в хохму: историческую, истерическую, адо-набоковскую с кремлевскими приятками. Юз Алешковский до сих пор идет юзом хохмачества. То, что хохмачество прижилось в диаспоре и не собирается сгинуть, говорит нам о том, что совреальность до сих пор "достаёт" нас и здесь — неизбывным ли

прошлым, всепроникающим ли настоящим. Но до тех пор, пока она, хохма, не отхохочется, более серьезной, глубокой литературы нам не видать» [23, с. 159-160].

Наряду с упоминанием, важным вторичным видом критики является *интервью*. Помимо того, что ответы Соколова способствуют пониманию стратегии его самопрезентации, интервью может расцениваться как попытка осмысления места Соколова в литературе, – в зависимости от того, кто его берет: профессиональный журналист либо писатель или профессор, выступающий в роли такового.

Характерно, что в ситуации, когда Саша Соколов попадает в поле зрения преимущественно университетской и писательской критики, а интервью берется для эмигрантского малотиражного органа печати, в вопросах и ответах содержится все то, что есть в критической статье. Следовательно, необходимо делить интервью с Соколовым на чисто журналистские (свойственные для отечественной критики перестроечного и пост-перестроечного периода) и литературоведческие, взятые теми, кто рецептировал или планирует рецептировать Соколова филологически, а в разговоре с ним пытается проверить свою интуицию.

Так, К. Сапгир в 1981 г. взяла у Соколова интервью для «Русской мысли». Отвечая на вопросы, Соколов позиционировал себя как формалиста, которому приходится для каждой книги изобретать «новый метод, даже новую лексику» [24, с. 11]. Сапгир не могла не учесть этой позиции и в «Дальнем берегу Палисандра» раскритиковала, как уже было сказано выше, хрупкость форм и тяжеловесность «Палисандрии».

О литературном мастерстве, о преодолении «языковой тюрьмы» ведут с Соколовым беседу Александр и Нина Воронели [11]. Этот разговор состоялся в 1983 г. в США, в Вермонте, куда Воронели приезжали вместе с Аксеновым; интервью с говорящим заголовком «Я хочу поднять русскую прозу до уровня поэзии» было опубликовано год спустя в «22» – журнале еврейской интеллигенции. А. Воронель – писатель и профессор (правда, профессор физики), близкий друг Ю. Даниэля и А. Синявского, – счел его взгляды на поэзию способными заинтересовать аудиторию этого СМИ. И это тоже пример писательской критики «ближнего круга».

Связующим звеном между эмигрантской и зарубежной англоязычной критикой является Ольга Матич – потомок Первой волны эмиграции, профессор славистики Калифорнийского университета в Беркли, в свое время бывшая замужем за А. Жолковским. Прежде чем эмигрировать в США, Матич выучила русский, словенский и немецкий языки. «И поэтому у меня такое ощущение, что у меня нет родного языка», – признается она [31]. Действительно, в ходе интервью с Соколовым («Русская мысль», 1985) ее интересовал не столько новаторский язык его произведений, сколько более общие вопросы, к примеру: «Какова ваша нравственная позиция как писателя?» [19, с. 12]. В том же 1985 г. в «Синтаксисе» вышла статья Матич «Палисандрия: диссидентский миф и его развенчание» (отнесем ее к профессорской критике, и вместе с тем, к критике «ближнего круга»), где акцентировалось, что проза Соколова «направлена на слово, а не на идеологию» [20, с. 87]. Попытка Матич доказать это методами литературоведческого анализа получила довольно низкую оценку В. Перельмана, который счел статью малоинтересной, пояснив: «Видимо, вслед за "марксистской брехней и фрейдистской гнилью" (Набоков из того же "Синтаксиса" № 15) теперь нас собираются травить бахтинским жаргоном» [22, с. 188].

Таким образом, правомерно сделать вывод о крайнем своеобразии каждого из критиков русского зарубежья, всерьез писавших о Соколове. Закапсулированность в русистской среде оказала заметное воздействие на восприятие эмигрантами современной им литературы. И хотя Саша Соколов, казалось бы, скрылся от широкой общественности в Вермонте, но по факту в лице этих критиков в Америке за его творчеством в этот период продолжает следить советское «подполье». Представители этого «подполья» рецептируют Соколова посредством авторефлексии, и при рассмотрении процесса в динамике становится ясно, к чему движутся они сами. Вокруг их рецензий образуется некий свертхтекст Соколова, а реакция на его произведения является неотъемлемой частью их собственного развития.

Список литературы

1. Аксенов В. Ненужное зачеркнуть. Заметки о прозе Саши Соколова // Русская мысль. 1983. 16 июня.
2. Аксенов В. Пасынок капитализма // Панорама. 1988. 7-24 июня.
3. Аксенов В. Скажи изюм. Энн-Арбор, Мичиган: Ардис, 1985. 372 с.
4. Бурхин И. Рецензия на повесть «Между собакой и волком» // Грани. 1980. № 118.
5. Вайль П., Генис А. Уроки школы для дураков // Литературное обозрение. 1993. № 1-2. С.13-16.
6. Вайль П., Генис А. Уроки школы для дураков // Синтаксис. 1990. № 30.
7. Вайль П., Генис А. Цветник российского анахронизма // Грани. 1986. № 139.
8. Вайль П., Генис А. Цветник российского анахронизма // Октябрь. 1991. № 9. С. 61-63.
9. Вейдле В. Бегство в невменяемость // Русская мысль. 1976. 22 апреля.
10. Владимов Г. Необходимое объяснение // Грани. 1986. № 140.
11. Воронель А., Воронель Н. Я хочу поднять русскую прозу до уровня поэзии: беседа с Сашей Соколовым, США, 1983 г. // 22. 1984. № 39. С. 28-32.
12. Гройс Б. Жизнь как утопия и утопия как жизнь: искусство соц-арта // Синтаксис. 1987. № 18. С. 171-181.
13. Жолковский А. Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе // Беседа. 1987. № 6.
14. Жолковский А. Посвящается С. // Синтаксис. 1987. № 18. С. 203-212.
15. Жолковский А. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.
16. Ковьялева Н. Игровая действительность постмодерна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 101-104.
17. Крейд В. Восьмигранник. Нью-Йорк: Эффект, 1986. 90 с.

18. Крейд В. Заитильщина // 22. 1981. № 19.
19. Матич О. Нужно забыть все старое и вспомнить все новое: беседа с Сашей Соколовым // Русская мысль. 1985. 31 мая.
20. Матич О. Палисандрия: диссидентский миф и его развенчание // Синтаксис. 1985. № 15.
21. Перельман В. О теле и духе, или о нашей эмиграции // Время и мы. 1985. № 84.
22. Перельман В. По страницам журналов "22" и "Синтаксис": Сомнительная мифология // Время и мы. 1986. № 91.
23. Савицкий Д. В садах российской словесности // Синтаксис. 1987. № 18. С. 159-160.
24. Сапгир К. В "Русской мысли" – писатель Саша Соколов // Русская мысль. 1981. 12 ноября.
25. Сапгир К. Дальний берег Палисандра // Континент. 1985. № 46.
26. Смирнов И. (I. S.). Непознаваемый субъект: бессубъектность, полисубъектность, ино-субъектность // Беседа. 1987. № 6. С. 127-143.
27. Соколов Саша. Palissandr – c'est moi? // Синтаксис. 1987. № 18.
28. Спиваковский С. Фонд почитателей творчества Саши Соколова // Панорама. 1987. 6-13 ноября.
29. Суслов А. Те, кто пришли: рец. на «Школу для дураков» Саши Соколова // Посев. 1977. № 5. С. 59-60.
30. Терновский Е. Состав прозы (Новая повесть Саши Соколова) // Русская мысль. 1980. 26 июня.
31. Толстой И. Два вечера с Ольгой Матич [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24800812.html> (дата обращения: 30.07.2013).
32. Цветков А. Уроки Меркатора // Просто голос: Поэма, эссе. М.: Независимая газета, 2002.
33. Smith G. The Verse in Sasha Sokolov's Between Dog and Wolf // Canadian – American Slavic Studies. 1987. Vol. 21. № 3-4.
34. Sokolov Sasha. Shkola dlia durakov. Ann Arbor, Mich.: Ardis Publishers, 1983. 169 p.
35. Zholkovsky A. Starring Joe Stalin as Himself: Astrophobia by Sasha Sokolov translated by Michael Henry Heim // Los Angeles Times. 1990. 11 Febr.
36. Zholkovsky A. The Stylistic Roots of Palisandria // Canadian – American Slavic Studies. 1987. Vol. 21. № 3-4. 369-400 p.

RECEPTION OF SASHA SOKOLOV'S CREATIVE WORKS IN CRITICISM OF RUSSIAN EXPATRIATE COMMUNITY IN THE 1970S-1980-S

Komarova Elena Nikolaevna

Russian State University for the Humanities

tselyu_v_klyk@list.ru

The article is devoted to the reception of Sasha Sokolov's creative works in emigrant criticism of the 1970s-1980s. Basing on the author's classification of criticism types, the correlation between the belonging of a critic to journalistic, literary or academic environment and the nature of his perception of Sokolov's works is shown; the process of integrating the writer into literary canon is analyzed in dynamics. The conclusion is made about the extreme uniqueness of each of the critics who wrote about Sokolov in this period, the possibility to tell that as a result Sokolov's metatext is formed around their reviews, and the need to consider critics' reaction within the framework of history of their own literary tradition.

Key words and phrases: Sasha Sokolov; reception; emigrant criticism; literary criticism of "inner circle"; canonization; periodicals of the Third Wave; interview.

УДК 811.112.2

Филологические науки

В данной статье мы раскрываем соотношение прагматики адресанта и адресата при восприятии эллипсисов. Успешность речевого общения зависит от умения определять личностные особенности коммуникантов и в соответствии с этим составить свои реплики в оптимальной при данных обстоятельствах форме. Актуальность исследуемого вопроса обусловлена тем, что в художественных произведениях немецких авторов часто встречаются эллиптические конструкции. Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить процесс коммуникации, при котором собеседник отфильтровывает несоответствующий фрейм для правильного понимания высказывания.

Ключевые слова и фразы: адресат; контекст; слот; стереотипная ситуация; фрейм; эллипсис.

Коневская Ирина Петровна

Московский педагогический государственный университет

irinakonevskaya@gmail.com

РОЛЬ ФРЕЙМА В ПОНИМАНИИ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ[©]

Эллипсис привлекал внимание многих поколений исследователей в прошлом и продолжает быть объектом пристального внимания сегодня. Обратимся к некоторым дефинициям эллипсиса, приведенным в разных словарях. В Лингвистическом энциклопедическом словаре эллипсис определяется как пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная «неполнота» синтаксической конструкции [3, с. 592]. Эллипсисы